

15. Case of Klass and others v. Germany [Electronic resource] // European Court of Human Rights. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57510>. – Date of access: 30.09.2016.

16. Краткое изложение обстоятельств дела [Электронный ресурс] // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461406/2461406.htm>. – Дата доступа: 30.09.2016.

17. Российское законодательство, регулирующее прослушивание мобильных телефонов, не соответствует Европейской Конвенции [Электронный ресурс] : Пресс-релиз Секретаря Суда. – Европейский суд по правам человека. – Режим доступа: <https://goo.gl/vBruRS>. – Дата доступа: 30.09.2016.

УДК 342.7

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СВОБОДУ: К ВОПРОСУ УТОЧНЕНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ

Е.А. Коротич,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

В отечественном законодательстве (конституционном и отраслевом) отсутствуют правовые нормы, определяющие понятие и содержание права человека на свободу. Однако если состояние законодательного аппарата Республики Беларусь в исследуемой области может быть объяснено отсутствием в Основном Законе государства самой конструкции «право на свободу», то такое же состояние зарубежного законодательного сегмента, например, России, Украины и ряда иных государств, конституции которых закрепляют указанную правовую конструкцию, вызывает вполне обоснованное недоумение. Как справедливо отмечает О.Г. Селихова, при отсутствии необходимой правовой основы «трудно не только определить, но и сохранить смысловое содержание обсуждаемого конституционного термина» [1, с. 40]. Вероятно, по этой причине российские ученые неоднократно подчеркивали необходимость законодательного определения сущности рассматриваемого права, в том числе путем издания специального нормативного правового акта (в частности, исследования О.Г. Селиховой [1, с. 188]). Подобная рекомендация особенно актуальна в свете того, что отмеченная пробельность законодательства, к сожалению, не компенсируется теоретико-правовыми исследованиями и научно-практическими комментариями в данной области: как показывает изучение отечественных и зарубежных литературных источников, профессионально-доктринальное толкование права на свободу отличается существенной поливариантностью. При этом в определении его сущности и содержания отчетливо прослеживается преобладание двух основных подходов: узкой и расширенной трактовки исследуемого правового блага.

Ученые, придерживающиеся узкого понимания права человека на свободу, в большинстве своем связывают данное право с правом на личную неприкосновенность и на этой основе сущность такового раскрывают через призму сво-

боды от незаконных арестов, задержаний, заключений под стражу либо применения иных мер государственного принуждения (в частности, М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев [2, с. 13] и др.). Признавая ограниченность данного подхода, нельзя не отметить наличие весомой аргументационной базы у его сторонников: во-первых, законодательное оформление права на свободу исторически связано с гарантированием свободы человека от произвольных арестов, заключений, изгнаний, что подтверждается положениями таких значимых с точки зрения современной концепции личных прав и свобод человека документов, как Великая хартия вольностей 1215 г., Habeas Corpus Amendment Act 1679 г., Билль о правах 1791 г. и др.

Во-вторых, современные международные акты, а вслед за ними и конституции государств, отражая указанные истоки концепции права человека на свободу, как правило, объединяют данное право и право на личную неприкосновенность в рамках единого структурного образования – статьи, параграфа и т.д., что дает основание ученым заключить о необходимости их тандемного рассмотрения. В этом отношении не является исключением и Конституция Республики Беларусь, которая возможность ограничения или лишения личной свободы человека на основании закона (ч. 1 ст. 25) и гарантии права на судебную проверку законности задержания или ареста (ч. 2 ст. 25), увязывает с понятиями «свобода», «неприкосновенность» и «достоинство» личности (ч. 1 ст. 25), тем самым, максимально воспроизводя положения международных правовых актов в данной области.

Не бесспорной видится позиция и тех авторов, которые расширяя границы права на свободу, объявляют его принципом правового статуса человека, оказывающим «влияние на трактовку любого субъективного права» [2, с. 13]. Как представляется, появление комплексного представления относительно сущности рассматриваемого права обусловлено не только стремлением авторов преодолеть недостатки его ограничительного толкования. Как известно, понятие «свобода» изначально воспринималось, главным образом, как антипод неволи, которая на ранних этапах развития общества и государства выражалась в господствовавшей системе рабства и подневольного состояния. «Лишь с возникновением реального порабощения, - пишет В.Е. Давидович, - у тех, кто порабощен, и обнаруживается осознание своей несвободы, а следовательно, и стремление к освобождению» [3, с. 27]. Поскольку статус лиц, пребывающих в таком положении, характеризовался наиболее полным ограничением субъективных прав и свобод человека, то свобода закономерно воспринималась как отсутствие всяческих принудительных ограничений, причем не только в части собственно личной свободы, но и относительно возможности реализации всех прав и свобод человека. Последнее, бесспорно, не могло не отразиться на содержательном наполнении как самой свободы, так и юридической конструкции, ее оформляющей, т.е. права на свободу.

Признавая факт исторической оправданности появления комплексного подхода относительно трактовки исследуемого правового блага, следует тем не менее отметить, что в современных условиях такой подход не соответствует законодательно predetermined сущности и назначению права человека на свободу. Более того, чрезмерно расширяя рамки последнего, ученые фактически

ставят под сомнение необходимость самостоятельного выделения данного права и, соответственно, особого гарантирования личной свободы человека, в том числе уголовно-правовыми средствами, тем самым, создавая не менее опасный в практическом отношении феномен – отчуждение теории и практики, науки и законодательства.

В системе конституционных прав и свобод человека исследуемое право может быть классифицировано как личное универсальное право, характеризующееся индивидуальным способом реализации, которое возникает у человека с момента рождения, является неотъемлемым и неотчуждаемым и относится к категории так называемых негативных прав, обязывающих государство, его должностных лиц, равно как и иных членов общества, избегать любых форм вмешательства в сферу личной свободы человека, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством. Остановимся более подробно на характеристике сущностных признаков права человека на свободу.

Во-первых, названное право имеет универсальный характер, что, с одной стороны, означает его принадлежность любому человеку независимо от его расы, пола, возраста, состояния здоровья, национальной принадлежности или социального положения либо наличия каких-либо иных особых признаков или свойств, а с другой – обеспеченную международными стандартами обязанность каждого государства уважать указанное право и гарантировать его соблюдение в отношении не только своих граждан, но и иных лиц, находящихся на его территории.

Во-вторых, право на свободу относится к категории личных (гражданских) прав, которые, как подчеркивается в специальной литературе, призваны обеспечить человеку «возможность организации своей личной и семейной жизни без какого бы то ни было вмешательства со стороны государства ...» [4, с. 64]. Соглашаясь с представленной характеристикой личных прав человека, в то же время полагаем, что относительно исследуемого конституционного права правильнее говорить о более широком круге субъектов, обязанных воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы человека. Этот вывод подтверждается и содержанием уголовно-правовых запретов, призванных обеспечить охрану личной свободы.

В-третьих, право на свободу, предусмотренное законом, не только юридически оформляет «естественное стремление каждого оградить себя от произвола других, избежать всякой зависимости от чужой воли» [1, с. 42], но и предопределяет возникновение у иных субъектов корреспондирующей обязанности не применять каких-либо форм незаконного ограничения личной свободы человека, тем самым, гарантируя (обеспечивая) ему возможность беспрепятственного пользования благами личной свободы. Причем следует отметить, что такого рода пользование выражается не только в проявлении человеком определенной активности, на что акцентируют внимание ряд исследователей (например, О.А. Володина и др.), но и заключается в непрерывном (постоянном) обладании личной свободой или, по верному утверждению Г.В. Антиповой, в «фактическом состоянии субъекта на протяжении всей его жизни – от рождения до смерти» [5, с. 58].

В-четвертых, право на свободу относится к числу неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека. При этом если неотъемлемость характеризует рассматриваемое право с точки зрения поведения обязанных субъектов, выражающегося в недопустимости лишения человека права на свободу, то неотчуждаемость данного права является характеристикой поведения самого управомоченного субъекта, проявляющегося в невозможности отказа от исследуемого права либо его передачи иному лицу.

Значение рассмотренной характеристики права на свободу признается не только в теории права, но и подтверждается судебной практикой. В частности, Европейский Суд по правам человека в своем решении, вынесенном по делу Де Вилде, Оомс и Версейп против Бельгии (1971 г.) постановил следующее: праву на свободу в демократическом обществе придается настолько большое значение, что лицо не может лишиться защиты Конвенции (в части данного права – прим. авт.) только на том основании, что оно добровольно предстало для лишения свободы.

В-пятых, право человека на свободу имеет нематериальный характер, обусловленный нематериальным свойством объекта гарантирования – личной свободы человека. Не случайно некоторые авторы ставят под сомнение корректность использования формулировки «физическая» для характеристики одной из составляющих личной свободы человека – свободы перемещения. В частности, по мнению, М.Р. Снаховой, «свобода ни при каких обстоятельствах не может иметь никаких физических свойств», она «всегда имеет идеальную природу», физическими же могут быть лишь ограничения свободы [6, с. 32].

С точки зрения обоснования нематериального признака права на свободу интересное суждение представлено в исследовании М.Л. Нохриной: не признавая за личной свободой качества материального или нематериального блага, автор обуславливает нематериальный характер анализируемого права неимущественной сферой его реализации, «когда интересы управомоченного удовлетворяются путем его активного поведения, не связанного с воздействием на те или иные материальные или нематериальные блага» [7, с. 25, 31].

В-шестых, право на свободу имеет свои пределы: оно ограничено, с одной стороны, таким же правом иных участников общественных отношений, а с другой – запретами, предусмотренными законодателем. В контексте сказанного верным представляется утверждение Ю.В. Вершининой, по мнению которой «условиями реализации субъектом права предоставленной свободы является осознание закономерностей окружающей действительности и действие в соответствии с познанным», а также сочетание «своих интересов с интересами других субъектов во избежание нарушений свободы других» [9, с. 12].

Следует отметить, что и названные границы права на свободу имеют социальный, внешний относительно управомоченного лица характер. Факторы природно-биологического характера, обусловленные физиологическим состоянием организма человека (инвалидность, исключая возможность самостоятельного перемещения, пребывание в состоянии опьянения и т.д.), могут лишь ограничить либо затруднить пользование благами личной свободы, не оказывая при этом влияние на объем и границы исследуемого права.

В-седьмых, право человека на свободу характеризуется индивидуальным способом реализации: данное право реализуется постольку, поскольку существует человек как субъект (носитель) этого права. При этом реализация последнего не предполагает каких-либо специальных, законодательно определенных процедур и зависит исключительно от воли его субъекта (за изъятиями, установленными законом, о чем было сказано выше). Следует отметить, что присущий праву на свободу индивидуальный способ реализации не исключает возможности человека прибегнуть к помощи третьих лиц в процессе осуществления данного права.

Как указывалось выше, Конституция Республики Беларусь в отличие от ряда зарубежных государств, юридической конструкцией «право человека на свободу» не оперирует, а в качестве объекта гарантирования закрепляет в ст. 25 свободу личности, оговаривая при этом недопустимость произвольного лишения (ограничения) личной свободы. В контексте сказанного закономерно возникает вопрос о том, как соотносятся между собой указанные понятия.

Содержательный анализ ч. 1 ст. 25 Конституции Республики Беларусь позволяет заключить о следующих возможных вариантах их соотношения. Во-первых, законодатель исходит из их тождественности, на что непосредственно указывает логика изложения материала в норме ч. 1 ст. 25 Конституции: определяя порядок ограничения личной свободы человека, законодатель, тем самым, конкретизирует некоторые аспекты правового режима гарантированной данной нормой свободы личности. Несмотря на то, что правила юридической техники, действительно, дают основание сделать вывод о тождественности рассматриваемых правовых благ, несостоятельность такого подхода не вызывает сомнения.

Во-вторых, личная свобода, порядок ограничения которой оговаривается в ч. 1 ст. 25, является видовой составляющей свободы личности. Основной недостатком данного подхода – отсутствие научно обоснованного критерия для выделения личной свободы в качестве особого, самостоятельного вида юридической свободы: если имеется в виду принадлежность личной свободы человеку, то в этом смысле все субъективные права и свободы следует признать личной свободой человека. В том случае, если исходить из общепринятого (в национальном и международном правовом обороте) содержательного наполнения понятия «личный» применительно к правам и свободам человека, то мы будем вынуждены признать личной свободой человека все те юридические свободы, которые согласно международным стандартам и действующему законодательству Республики Беларусь относятся к первому поколению прав человека. Совершенно очевидно, что при таком подходе помимо элемента искусственности конструкции «личная свобода» возникает еще более опасный в практическом отношении феномен – коллизия конституционных положений и норм уголовного закона, непосредственно направленных на охрану данного правового блага. Кроме того, алогичность признания личной свободы в качестве самостоятельного вида юридической свободы усматривается и в том, что законодатель, гарантируя в ч. 1 ст. 25 Конституции Республики Беларусь обеспечение родового блага – свободы личности, в то же время в норме, определяющей ее правовой режим, оговаривает

порядок ограничения лишь одной из ее составляющих, а правовую характеристику остальных структурно обособляет.

Нивелированию подобных проблемных аспектов в понимании сущности личной свободы человека, с нашей точки зрения, может способствовать придание свободе, гарантированной ч. 1 ст. 25 Конституции Республики Беларусь, большей юридической оформленности, что может быть достигнуто, во-первых, посредством закрепления общепризнанного права человека на свободу: по справедливому утверждению Н.И. Матузова, когда «законодатель хочет предоставить свободу, он предоставляет право» [9, с. 250]. Закрепление права на свободу, помимо прочего, позволит максимально приблизить положения действующего законодательства к международным стандартам в данной области. Во-вторых, необходимо законодательное подтверждение всеобщего, универсального характера данного права. Последнее предполагает развитие в норме ст. 25 конституционной идеи о признании высшей ценностью и целью общества и государства любого человека (ч. 1 ст. 2) независимо от наличия или отсутствия у него каких-либо свойств и качеств, уровня социализации и, следовательно, независимо от того, можно ли конкретного человека считать личностью.

Несмотря на наличие критических замечаний, относительно некорректности использования конструкции «право на свободу» (например, А.В. Донцов), закрепление данной конструкции в полной мере соответствует общепризнанной международно-правовой и зарубежной конституционной практике и в этом отношении является совершенно естественным.

Закрепление в ч. 1 ст. 25 Конституции Республики Беларусь в качестве объекта гарантирования права на свободу позволит изменить подход и к пониманию сущности личной свободы, а именно, заложит основу ее восприятия в качестве характеристики фактического состояния человека, являющегося следствием реализации указанного права. Как справедливо отмечает Г.А. Василевич, «свободная деятельность человека», которая, с нашей точки зрения, составляет содержание личной свободы, – «это его состояние» [10, с. 103].

Список использованных источников:

1. Селихова, О. Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. Г. Селихова. – Екатеринбург, 2002. – 205 л.
2. Авдеенкова, М. П. Право на физическую свободу / М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 13–22.
3. Давидович, В. Е. Грани свободы / В. Е. Давидович. – М. : Молодая гвардия, 1969. – 224 с.
4. Иванов, Г. И. Права человека : учеб. пособие / Г. И. Иванов ; под ред. М. Ф. Чудакова. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004. – 352 с.
5. Антипова, Г.В. Система личных прав человека: конституционно-правовой аспект: дисс. к.ю.н. 12.00.02 – М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. – 198 л.
6. Снахова, М. Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Р. Снахова. – М., 2002. – 197 л.
7. Нохрина, М. Л. Право личной свободы как личное неимущественное право / М. Л. Нохрина // Изв. вузов. Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 21–38.

8. Вершинина, Ю.В. Свобода личности в конституционном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ю. В. Вершинина. – Тюмень, 2006. – 172 л.
9. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1972. – 292 с.
10. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Г. А. Василевич. – Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2005. – 487 с.

УДК 342.72/.73

ПРЕДЕЛЫ И КРИТЕРИИ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Л.А. Краснобаева,

заведующая кафедрой теории и истории государства и права кандидат юридических наук, доцент

Ю.И. Иванова

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины»

Вопрос об ограничении личных прав и свобод человека и гражданина со стороны государственных институтов остается одним из самых актуальных в конституционном праве.

Конституция Республики Беларусь предусматривает возможность ограничения, то есть определение на уровне закона конкретных пределов осуществления прав и свобод [1, ст.23]. При этом ограничения должны устанавливаться законодателем не произвольно, а на основе Конституции и закрепленных в ней таких ценностей, как верховенство права, равенство и справедливость.

Основная функция правовых ограничений заключается в охране и защите общественных отношений (охрана и защита основ конституционного строя, общественного порядка, нравственности, здоровья населения, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства).

Согласно Всеобщей Декларации прав человека ООН 1948 года исключительными целями ограничения прав и свобод человека являются обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [2, ст.29].

Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 года закреплено, что государство может устанавливать только такие ограничения прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе [3].

В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года можно заметить, что цели ограничений существенно расширены и